

1. Земляков Л. Е., Конституционно-правовые основы свободы совести граждан Республики Беларусь// Земляков Л.Е., Северин Э.Н. БГУ, 2022. – 1-6 с.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. – 10-е изд., стер. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 64 с. – Источник – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – Дата доступа: 19.11.2022

3. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях»: Закон Республики Беларусь от 31 октября 2002 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. Ё № 123. – 2/886. - Источник – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – Дата доступа: 19.11.2022

Д.О. Сержантов

УО «Военная академия Республики Беларусь» (Минск)

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК ПРАКТИКА ВЕДЕНИЯ ВОЙН ЧЕТВЕРТОГО ПОКОЛЕНИЯ

Современный этап развития общества многими исследователями определяется как информационный. Только за последние несколько десятилетий произошли колоссальные изменения, как в мире информационных технологий, так и в восприятии и отношении к источникам информации.

Сегодня жизнь человека немислима без использования современных технических средств. Фундаментальные потребности индивида в коммуникации и постоянном притоке информации для реализации таких целей, как ориентирование в современной ситуации и социальной среде, развитие общего кругозора и решение повседневных практических проблем, реализуются на 70% за счет специализированной информации, получаемой из средств массовой коммуникации. Общество обезличивается, стираются социально-значимые ценности и принципы. Человек становится зависимым от мнения «медийного большинства» в условиях активного формирования и трансформации иной, виртуальной реальности [1, с. 11].

По определению политолога И.Н. Панарина, информационная война – это доминирующий способ достижения власти, организации ноосферы и мирового информационно-психологического пространства (далее – ИПП) в своих интересах. На его взгляд, современные государственные деятели не только должны обладать властным ресурсом и кредитом общественного доверия, но и уметь вести эффективное информационное противоборство [1, с. 15].

Во-первых, эскалация международной напряженности привела к тому, что на арену информационно-психологического противоборства вышли новые субъекты. Наряду с государственными и специальными структурами здесь появились надгосударственные (интернет-империи Google, Facebook, Twitter, мировые СМИ и фонды и др.), негосударственные (террористические

организации, информационные агентства, неструктурированные сетевые сообщества и т.д.), в том числе, несистемная оппозиция, некоммерческие организации, инфлюэнсеры социальных сетей, лица преследующие собственные цели в потоке информационно-психологического воздействия (далее – ИПВ). Все это коренным образом изменило представление о коммуникаторах в структуре коммуникационного акта.

Во-вторых, смещение вектора в ИПВ с преимущественно военных враждебных аудиторий на широкие массы населения враждебных, нейтральных и дружественных стран и превращение самого населения в главную силу политических преобразований в лагере противника привело к изменению взглядов на реципиентов и целевые аудитории [2, с. 145].

Развитие социальных сетей обусловило конвергенцию онлайн и офлайн жизни, возникновение, по существу, гибридной реальности бытия человека, в которой стираются грани между реальным и виртуальным взаимодействием, создаются новые «миры» жизнедеятельности людей, существуют собственные законы, стили общения, статусы, санкции, специфические схемы распространения информации и формы поведения. Сегодня информация «челночно» циркулирует из киберпространства в реальную жизнь и обратно, производя изменения в обеих средах [3, с. 98].

Используя ресурсы и технологии искусственного интеллекта, субъекты ИПВ сегодня получают детальную информацию о реципиентах, могут точно определять и влиять на их пристрастия, привычки, мотивы, социальные установки, жизненные планы, поведение и взаимоотношения. Одновременно воздействие становится все более ступенчатым, осуществляемым через различные промежуточные целевые аудитории, лидеров мнений, информационные капсулы и т.д.

В-третьих, революционное развитие в последние годы нейро-, когнитивных, поведенческих и социальных наук обусловило трансформацию во взглядах на сущность воздействия в коммуникационных актах. В настоящее время такое воздействие осуществляется как на общественное и групповое сознание в целом, так и на конкретные структуры мозга людей в целях изменения их социальной активности. Оно становится все более опосредствованным информационными, когнитивными и социальными технологиями.

В-четвертых, активный поиск эффективных схем ИПВ на противника в предшествующее время привел к появлению в этой сфере различных, порой конкурирующих, доктрин, стратегий, понятий, которые, действуя одновременно, вносили хаос в понимание и организацию этой деятельности. К примеру, здесь одновременно циркулировали концепты «информационная война», «информационные операции», «психологические операции», «мягкая сила», «гибридная война» и др. Это вызвало потребность в объединении их в целостную и непротиворечивую систему для последующего комплексного использования всех имеющихся ресурсов, а также в скрывании агрессивного, направленного на вторжение в сознание, ценностную сферу, поведение людей, характера ИПВ [3, с. 103].

Главной функцией стратегических коммуникаций является синхронизация и координация всех осуществляемых ИПВ, как в мирное, так и в военное время на всех уровнях: от локального до глобального, от тактического до оперативного и стратегического. Сферами применения стратегических коммуникаций являются международные отношения, отношения между различными субъектами внутри государства, социально-культурное пространство, военное противоборство.

Согласно американскому подходу, главным инструментом «жесткой силы» в информационно-психологическом противоборстве и реализации программ стратегических коммуникаций являются информационные операции. Под информационными операциями понимается комплексное применение информационных возможностей в сочетании с другими направлениями работы для воздействия, нарушения, искажения, перехвата процесса принятия решений реальными и потенциальными противниками и защиты своих решений.

В целях реального противодействия угрозам информационного воздействия политика государства должна представлять собой грамотную и хорошо отлаженную систему защиты, предполагающую законодательное регулирование, установление отношений и контроль над средствами массовой информации, идеологическую работу с населением в рамках внутреннего информационного пространства.

Наиболее известной стратегией реализации доктрины «управляемого хаоса» в последние два десятилетия стала стратегия «цветных революций».

«Цветные революции» не имеют под собой революционных ситуаций; не выдвигают политических и социальных проектов переустройства жизни общества; они, как правило, инициированы с помощью внешнего вмешательства в жизнь общества и осуществляются посредством превращения больших групп населения в психологическую толпу, постепенного придания этой толпе политического характера и обращения ее энергии на свержение действующей власти; в качестве «катализатора» протестных событий и своеобразного «тарана» используются группы подготовленных, агрессивно настроенных и грамотно взаимодействующих молодых людей.

Своеобразной «методичкой» по совершению таких акций является книга **Д. Шарпа** «От диктатуры к демократии», в которой описано 198 методов «ненасильственных действий по сопротивлению власти». «Цветные революции» являются промежуточной целью ИПВ. Конечная его цель – это власть [4, с. 12].

Оценивая возможности новых технологий ИПВ **Г. М. Маклюэн** отмечает, что «электрическое убеждение с помощью фотографии, кино и телевидения ... окунает всё население в новый мир воображения», в результате чего утрачиваются границы между реальностью и мистификацией [4, с. 13].

Список литературы

1 Ашманов, И.С. Ментальные эпидемии и «мозговые» вирусы в эпоху информационных войн / И.С. Ашманов // Вопросы культурологии. – 2019. – № 3. – С. 9–17.

2 Байков, Д.М. Развитие у сотрудников органов внутренних дел готовности к выявлению, анализу и нейтрализации информационных угроз в сети Интернет средствами обучения и воспитания / Д.М. Байков // Образование. Наука. Научные кадры. – 2018. – № 1. – С. 144–147.

3 Барабанщиков, В.А. Невербальные предикторы оценок достоверности/недостоверности сообщаемой информации / В.А. Барабанщиков [и др.] // Экспериментальная психология. – 2018. – Т. 11. – № 4. – С. 94–106.

4 Караяни, А.Г., Караяни, Ю.М. Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций / А.Г. Караяни, Ю.М. Караяни // Национальный психологический журнал. – 2021. – № 1 (41). – С. 3–14.

В.В. Сидоренко
БГЭУ (Минск)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВ ЖЕНЩИН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

На пороге XXI века, ввиду распада Союза Советских Социалистических Республик, было образовано суверенное полноправное государство – Республика Беларусь. Помимо изменений во внутренней и внешней политике, серьезным преобразованием была подвержена законодательная система, в частности, отрасль уголовного права. Необходимость таких преобразований была обусловлена эволюцией геополитической картины мира и динамикой развития общества. Институт прав женщин, как один из важнейших институтов уголовного права, также претерпел значительные изменения и дополнения.

Понимание прав и обязанностей женщин зародилось в IX–XII веках. В Древней Руси права женщин находились под защитой церкви. Христианство ставило женщин на второе место в отношении мужчин, при этом церковь особенно учтиво относилась к женщине-матери и осуждала проявление насилия в отношении женщины как в семье, так и за ее пределами. Также, ввиду начала развития феодальных отношений, особое место уделялось классовому неравенству, исходя из которого формировалась мера головщины за убийство женщины [2].

Общественные порядки того периода были исключительно патриархальными, главную роль в урегулировании семейных вопросов играл отец. Вследствие этого женщины были весьма ограничены в основополагающих правах, например, в таких как избирательное право, право на свободу перемещения и право выбора супруга.

В XV–XVI вв. все большее количество преступлений, совершаемых в отношении женщин, предусматривали привлечение к уголовной ответственности. Серьезным изменениям подвергся институт брака: за попытки насильственно выдать девушку замуж без ее согласия была предусмотрена смертная казнь: «...Таксама абяцаем і пастанаўляем па нашай валікакняскай літасшы і